

Печатается по решению Учёного совета
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Книга издана в рамках государственной программы
«Государственная национальная политика
Республики Марий Эл на 2013–2025 гг.»

Редакционная коллегия:
Н.С. Попов (научный редактор),
Л.Я. Григорьева, Е.П. Кузьмин, О.А. Сергеев, Р.И. Чузаев
Составитель – Н.С. Попов

- Н 35 **Национальная культура в социальном пространстве и времени:**
материалы V Межрегиональной научно-практической конференции «Ййван
Кырла лудмаш» (Йошкар-Ола, 31 марта 2017 г.) / науч. ред. Н.С. Попов;
Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики
Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2019. – 361 с.

ISBN 978-5-6040942-2-8

Сборник составлен по материалам V Межрегиональной научно-практической конференции «Ййван Кырла лудмаш», проведенной в честь 100-летия I Всероссийского съезда народа мари. Статьи посвящены актуальным проблемам истории и общественного движения в Марийском крае, социально-культурного развития и региональной национально-культурной политики в Республике Марий Эл, места и роли национальной культуры языка, литературы, традиционной культуры и религии в современном культурном пространстве. Сборник адресован ученым, преподавателям образовательных учреждений, работникам культуры, образования, студентам, школьникам и краеведам.

УДК 94 (470.343)+08
ББК 63.3 (2 Рос. Мар)

Мнения, высказываемые в материалах сборника, не обязательно совпадают с точкой зрения редколлегии.

ISBN 978-5-6040942-2-8

© Авторы, 2019
© Министерство культуры, печати и по делам
национальностей Республики Марий Эл, 2019
© Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, 2019
© Марийский государственный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Чузаев Р.И. «Поро илышет – тунеммаштет»: Икымше марий погынлан – 100 ий	7
Матвеев Г.Б. К вопросу о вкладе Н.В. Никольского в развитие науки, образования и общественного движения марийского народа	11
Григорьева Л.Я. Ййван Кырлан почеламутлаштыже – илыш кумдык	18
Кудрявцев В.Г. Визуализация образов идентичности в марийской народной резьбе по дереву	25
Матвеев М.И. Использование маркетинговых технологий учреждениями культуры	37
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В МАРИЙСКОМ КРАЕ	
Свечников С.К. Последствия вхождения мари в состав России	48
Акшиков А.Г. К вопросу о военных походах 1584 года и основании «Царевых городов»	55
Ласточкин Г.Л. К вопросу о расположении защитных укреплений Царевококшайска во второй половине XVII века	69
Михайлова М.М. Протоиерей Иоанн Челноков (1872–1938 гг.) – заступник Благочестия в Паратском приходе	74
Гусева Т.М. Из истории города Сернур	83
Гусева А.А. Память о деревне живет в ее людях. Деревня Ведоснур	88
Михайлова Н.А. Ансамбль песни и пляски при Моркинском доме социалистической культуры	93
Рыбакова Г.Л., Чапурина И.И. Деятельность Г.И. Мартяновой по созданию Сернурского районного музея	96
Четкарёва М.А. Первый кавалер ордена «Знак Почета» К.Г. Мочаев	100
Требушкова О.А. Вклад В.С. Патрушева в исследование проблем происхождения марийского народа	107
Макарова Н.А. Анатолий Васильевич Краснов и марийское хореографическое искусство	117

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

Егоров Д.В. Правовые обычаи и традиции в системе социальных ценностей чувашей и марийцев	121
Губанова И.Г. К вопросу об интернациональном воспитании трудящихся. Деятельность Марийского областного комитета МОПР 1920 – 1930 гг.	133
Виноградова Т.В. Национальная библиотека имени С.Г. Чавайна в этнокультурном развитии Республики Марий Эл	138

Савыктыш да газет нерген. Шукыж годым лудына, кузе Икымше погынышто «Ўжара» газетым Озан олаште савыкташ тўналас оксам ойырымо нерген делегат-влаклан увертарыме. Тыге, но тиде чыла огыл. П. Глезденёв, Ф. Букетов, В. Васильев, И. Коведяев да молат 25 июльшто савыктыме пашам вияндарен колтымо нерген канашеныт. Нуно умыленыт, тўн паша – типографийыште. Тудо татыште эн сай йон – улшо типографийлаште марий-влаклан пайым кучаш. Тунам марла газетымат, календарыма савыкташ лиш. Ўшанем, шўдō ий эртен гынат, йодыш тачат петырнен огыл.

Марий вера нерген. Протоколышто марий вера нерген шагал огыл возалтын. Мый кумалтыш эртарыше омыл, кызыт школысо кумалтыш йўла нерген мутым кучаш ом тўнал. Тыге гынат, каласынем. Кеч могай вера – тиде сукен шинчын кумалме веле огыл. Тиде – айдемын икымше гыч пытартыш кече марте койыш-шоктышыжо, ойорыжō, сомылжо, йўлаже. Тидын шотышто Погынын материалыштыже ятыр сералтын.

Йолташ-влак, шўдō ий коклаште Марий калыкын погынжо лу гана эртен. Ойпидыш-влак кўжгō книгалаш чумыргеныт. Скептик-влак кудалтен кертыт: мо пайдаже погын деч да тудын ойпидышыже деч? Тореш руалнем, кōлан нимо ок кўл, тудлан погынат уто. Кōн тыршаш кумылжо уло, тудо ойпидышлаште шканже паша аланым муэш.

Оем иктешлаш, йолташ-влак, угыч докладын темыж дек пōртылнем. «Поро ылышет – тунеммаштет». «Ўжара» газетын лозунгшо икымше номер гычак тыге йонген. Тунам чыла марий калык гыч 10% дечат шагалак лудын-шотлен моштеныт. Волгыдо ўжара школ деч посна калыклан нōлталт кертын огыл. Умбакыже лозунг изишак вашталтын – «Поро ылышет – виянмаштет!» «Ўжара» газетын редакторжо-влак мудреч лийыныт, сугыным моткоч чын йонгалтареныт. Мыланна кодеш ий еда чын расшифровкым ышташ.

ЛИТЕРАТУР:

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 407 с.

2. Известия Всероссийского съезда мари. Протоколы заседаний с 15 по 25 июля 1917 г. в г. Бирске, Уфимской губ. Бирск. 1917

Г.Б. МАТВЕЕВ,

канд.ист.н., ведущий научный сотрудник ЧГИИ

К ВОПРОСУ О ВКЛАДЕ Н.В. НИКОЛЬСКОГО В РАЗВИТИЕ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ МАРИЙСКОГО НАРОДА

Жизнь и творчество чувашского ученого, педагога и общественного деятеля Н.В. Никольского было тесно связано с марийским народом. Николай Васильевич хорошо знал марийских ученых-краеведов, с которыми он дружил [1, л. 145–147].

Н.В. Никольский профессионально исследовал историю и культуру не только родного народа, но и других этносов Поволжья и Приуралья. Он являлся ведущим исследователем истории и этнографии марийского народа. Написал монографии, брошюры и статьи по истории, этнографии, народной медицине, статистике, фольклору, в том числе музыкальному, языкознанию, историографии, значителен его вклад в исследование этнической истории чувашей, марийцев, мордвы.

В частности, материалы крупного этнографическо-статистического издания «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама» (1912) были сдублированы в отношении марийцев, удмуртов и крещеных татар в отдельных изданиях, вышедших в 1912 и 1914 годах, в которых данные получились более полные, чем в сводном труде. В каждой работе Н.В. Никольский поместил историко-статистические сведения о народе (особенно подробно о марийцах) – языке, общественной и семейной жизни, материальной и духовной культуре, «насуточных нуждах нашего времени», обширный список печатной литературы. По данному статистическому исследованию Никольским были сделаны интересные выводы о динамике, тенденциях национальных, этноконфессиональных процессов, национального самосознания, общественного и семейного быта, межэтнических контактах, степени владения русским и татарским как языками межнационального общения.

Работы Н.В. Никольского «Статистические сведения о черемисах», «Статистические сведения о вотяках», «Наиболее важные статистические сведения об инородцах...» оказали весомую помощь в национально-государственном строительстве (на стадии определения границ и формирования автономных областей). Об этом свидетельствуют документы. Работа «Статистические сведения о черемисах» «целиком была принята как основа для разграничения границ Марийской республики, а указатель литературы был принят как базовая основа для дальнейшей проработки вопросов истории, этнографии, фольклора по мари в первые годы революции» [2, л. 150]. Таким образом, эти труды пользовались практической необходимостью и популярностью, ибо чувашский ученый одним из первых обратился к статистико-географическому и историческому изучению народов Поволжья.

В середине марта 1917 года Н.В. Никольский выступил одним из организаторов Общества мелких народностей Поволжья (ОМНП), в поддержку его организации встали преподаватели казанских вузов и семинарий. От ОМНП он был избран гласным 98-го земского собрания Казанской губернии. В мае 1917 года земское собрание избрало Никольского в состав губернской земской управы – заместителем председателя управы и заведующим отделом народного образования [3, л. 150–159; 4]. В связи с выбытием председателя управы в июне 1917 года на Никольского было возложено исполнение обязанностей председателя губернской земской управы. При самом деятельном его участии были основаны Северо-восточный археологический и этнографический институт, гимназия для взрослых представителей нерусских народов в Казани, национальные учительские семинарии в городах Тетюши, Царевококшайск и селе Большое Чурашево Ядринского уезда, учительские курсы и школы в Казани, Чистополе, Ядрине, Козьмодемьянске. Кроме того, несколько двухклассных школ было преобразовано в высшие начальные училища, открыты десятки начальных школ (в Ядрине, Малых Яльчиках и др.), из церковного ведомства приняты в ведение земства 663 начальных, 10 двухклассных, 12 второклассных и одна учительская школы, образовано несколько сельскохозяйственных и ремесленных школ для детей местных народов, возобновлено издание учебников

на татарском, чувашском и марийском языках [3, л. 85, 90–93, 142, 175; 5, л. 27; 6; 7, с. 54].

Председателю губернской земской управы приходилось заниматься взысканием средств на открытие и содержание учебных заведений, лечебных учреждений и пр. В губернской земской управе под руководством Н.В. Никольского проводились совещания с представителями уездных земств по вопросам народного образования (например, в августе 1917 г.).

Н.В. Никольский оказал значительную помощь в подготовке специалистов для Марийского края: учителей, исследователей-краеведов, кадров творческой интеллигенции. В частности, при открытии Царевококшайской учительской семинарии 2 октября 1917 года он сообщил о ходе подготовки к открытию этого учебного заведения, о роли Леонида Яковлевича Мендиярова. «Беспрерывная творческая работа семинарии должна поднять умственное состояние народа, а через это и его экономическое благосостояние», – говорил он. Директор семинарии Мендияров отметил несомненные заслуги Н.В. Никольского как в области просвещения нерусских народов, так в деле открытия семинарии. Обращаясь к нему, он говорил: «Глубокоуважаемый Николай Васильевич! Вы скромно замалчиваете о Вашей роли в деле открытия Царевококшайской учительской семинарии, между тем нам известно, что именно Вам принадлежит главное руководство в этом деле. Примите же глубокую благодарность народа, учащихся и учащихся за Ваши труды на пользу просвещения. В лице Вас мы, мелкие народности, имеем мудрого руководителя, носителя правильной государственной точки зрения и твердого защитника святого права каждого» [8, с. 71].

Н.В. Никольский принимал участие во втором Всероссийском съезде мари (Казань, 6–14 июня 1918 г., по другим сведениям, 7–16 июня), где выступил с докладом о народном образовании мари. В своей речи он определил первоочередные задачи по ликвидации неграмотности среди марийцев, расширению сети национальных школ, сохранению и развитию родного языка. «Есть язык – жив и народ, нет языка – нет и народа», – подчеркнул Н.В. Никольский [9, с. 38]. Председатель съезда Л.Я. Мендияров, приветствуя Н.В. Никольского, говорил: «Мой народ в долгу перед Вами. Вы скромно умалчиваете о своей деятельности среди мелких народностей Поволжья. Чьи призывные листки разносились

по темным уголкам? То были Ваши призывы. Мне дорого, что Вы постоянно будете призывать к свету, к свету. И в настоящее время Ваш призыв оканчивается тем же лозунгом. Вы говорите, что народ мой пробуждается, но все это – Ваши труды. Мелкие народности Поволжья объединяются, открывают Союз мелких народностей. Вы говорите, что мысль об открытии Союза зародилась среди учащейся молодежи этих народностей, но я думаю, что она Ваша» [10, с. 150–151].

В 1919 году Никольский прилагал много усилий к открытию в университете краевого факультета по подготовке специалистов по истории и филологии из чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы, разработал учебный план и структуру этого факультета [11, с. 247–267; 12]. Новый факультет, открытый в университете, был включен в структуру факультета общественных наук.

27 ноября 1921 года Н.В. Никольский был назначен директором Восточной консерватории в городе Казани. Здесь имелся музыкально-этнографический отдел с преподаванием предметов: история народной музыки у народностей Поволжья, песенное творчество у татар, чувашей, марийцев, удмуртов. Состав учащихся по преимуществу комплектовался из местных национальностей: татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов и т.д.

На марийском отделении в Восточном педагогическом институте Н.В. Никольский в 1926–1930 годах читал курс истории марийского народа.

В январе 1930 года Никольский принял участие в работе Первой областной краеведческой конференции Марийской АССР [1, л. 145–147].

Работая в течение 10 лет по планам Марийского научно-исследовательского института (в том числе в 1946–1951 гг. на штатной основе), Н.В. Никольский написал ряд трудов, самый большой из них – монография в трех томах «История марийского народа с древнейших времен до XIX века». Директору института М.С. Калашникову он ежемесячно писал письмо-отчет о проделанной работе, к примеру: «Теперь исключительно занят изготовлением первого тома. Эта работа очень сложная, требует большого напряжения, энергии, очень много времени. Фактически весь рабочий день с раннего утра до позднего вечера уходит на эту работу. Ввиду этих условий я отказался от работы в [Казанском]

университете»; работа по «Истории марийского народа» увлекла настолько, что иногда забываешь про сон. Каждый день по несколько раз хожу в университетскую библиотеку. В самом деле, уже успел надоесть кабинетам по истории; «пока в голове держится «История марийского народа с древнейших времен до XX в.»: отполировать, отшлифовать, чтобы скорее удовлетворить школы и вузы»; «иногда, казалось бы, от тяжести, кропотливости и постоянной напряженности в работе (12–16 часов в сутки) чувствуешь уныние и стремление оставить работу; но это мгновенно проходит» [13, л. 282, 283, 291, 302, 305 и др.].

Кроме оригинальных трудов, им была выявлена и представлена Марийскому научно-исследовательскому институту еще в 1930-х годах масса архивных документов, а всего к началу 1950-х годов 120,0 авторских листов документов по истории марийского народа [14, с. 538; 15, л. 19 об.; 16]. Достаточно сказать, что в фондах Марийского НИИЯЛИ им. В.М. Васильева хранится 138 названий его рукописей общим объемом 7320 страниц. В своем письме от 1 августа 1954 года директору института К.А. Четкареву, подытоживая итоги своей работы в области изучения истории и культуры марийского народа, Николай Васильевич писал: «Единственным желанием было одно: дать марийскому народу все то, что я знаю о нем в результате изысканий от студенчества до последнего момента, от 1900 по настоящий день 1954 года». В годы работы в Марийском НИИ дирекция института принимала меры по обеспечению семьи Н.В. Никольского продуктами и промтоварами первой необходимости. Директор института К.Ф. Смирнов обратился к министрам торговли Татарской и Марийской республик с ходатайством о снабжении Никольского лимитными книжками на получение продовольственных и промышленных товаров (май 1946 г.) [13, л. 37, 38].

Ученый совет Марийского НИИ ходатайствовал перед ВАКом о присуждении Н.В. Никольскому ученой степени доктора исторических наук по совокупности без защиты диссертации [13, л. 46–54, 56, 61–63]. Кандидатура Н.В. Никольского в 1946 году на заседании Ученого совета Марийского НИИ была выдвинута также в члены-корреспонденты АН СССР по отделению истории.

В связи с отмечавшимся в декабре 1946 года юбилеем присоединения Марийского края к России Н.В. Никольский

подготовил статью об Акпарсе. В письме на имя директора Марийского НИИ он, в частности, писал: «...Акпарс – имя собственное, а не нарицательное, и означает племенного марийского князя, жившего во второй половине XVI века и скончавшегося в начале XVII столетия. Об Акпарсе готовлю специальную статью для «Марийской правды» [13, л. 126, 139; 17].

Члены Совета Института этнографии АН СССР, рассмотрев 21 января совокупность его опубликованных трудов, единогласно проголосовали за присуждение ему ученой степени доктора исторических наук. Она была присуждена Н.В. Никольскому решением Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования СССР от 15 ноября 1947 года [14, с. 539].

Несмотря на то, что его трехтомный труд по истории марийского народа остался незавершенным и неопубликованным, он, как и многие его предыдущие работы, сохраняет научное значение. Его рукопись, а также предыдущие научные работы обогатили марийскую историографию и оказали влияние на развитие научных исследований по истории Марийской АССР, а «История мари», увидевшая свет в 1920 году, стала этапным явлением в развитии исторической науки. «Имя профессора Николая Васильевича Никольского, славного сына чувашского народа, неутомимого труженика, оставившего заметный след в развитии научной мысли Республики Марий Эл, не будет забыто», – говорил на юбилейной конференции в апреле 2003 года марийский историк, профессор Г.Н. Айплатов.

В ответ на поздравление с 80-летием Н.В. Никольский 9 июня 1958 прислал в МарНИИ телеграмму, в которой выразил благодарность институту за добрые пожелания и высокую оценку его научной деятельности.

Его научные труды фундаментальны, богаты содержанием и до сих пор сохраняют свое огромное фактографическое значение. Впервые в широких масштабах Н.В. Никольский выявил литературные сведения и документальные источники о чувашах, марийцах, мордве в главных российских архивах и библиотеках. Благодаря Н.В. Никольскому чувашская и марийская историческая, чувашская филологическая науки получили замечательную возможность для благоприятного развития. На трудах Никольского

выросло новое поколение чувашских и марийских историков, этнографов и фольклористов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 328.
2. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Ф. 6. Ед. хр. 35.
3. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 288.
4. Хыпар (Вести). 1917, № 10, 8 июня.
5. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 320. С. 27.
6. Крестьянская газета. – 1917. – № 29, 23 августа.
7. Леонтьева А.М. К истории высшего специального этнографического образования // Советская этнография. – 1978. – М., № 2.
8. Патрушев А.С., Кузьминых Р.В. Царевококшайская учительская семинария (1917-1919 гг.) // Марийский археографический вестник. – Йошкар-Ола, 1997. – № 7.
9. Цит. по: Айплатов Г.Н. История с «Историей Марийской АССР»: научно-педагогическая деятельность Н.В. Никольского в Йошкар-Оле // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века. – Чебоксары, 2005.
10. Съезды народа мари: документы и материалы. 1917 – 2004 гг. – Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2008.
11. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 304.
12. Знамя революции. – 1919. – № 66, 26 марта.
13. Рукописный фонд МарНИИЯЛИ. Дела по личному составу. Оп. 1. Д. 55.
14. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 371.
15. НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 728.
16. Марийская правда. – 1947, 29 января.
17. Марийская правда. – 1946, 8 декабря.

марийских танцев, среди которых были хореографическая сюита «Марий Эл», «Девичий пир», «Праздник цветов», «Горные орлы» и другие. В марте 1970 года, получив диплом по специальности «режиссура балета», молодой специалист возвратился в Йошкар-Олу на постоянную работу.

В это же время в ансамбль по приглашению министра культуры МАССР А.В. Краснова приехали из Челябинска Михаил Юрьевич Капланский, занявший должность художественного руководителя, хормейстер Тамара Алексеевна Брыкина и концертмейстер Антонина Васильевна Вдовина. Впервые со дня основания Государственный ансамбль песни и танца «Марий Эл» был полностью укомплектован специалистами-профессионалами.

До 1974 года А.В. Краснов был министром культуры Марийской АССР. 21 февраля 1972 года в только что образованном Марийском государственном университете создается кафедра истории КПСС, в состав которой вошли и преподаватели философии. В 1975 году на базе кафедры истории КПСС учреждается кафедра философии и политической экономии. В 1979 году формируется самостоятельная кафедра философии. Ее первым заведующим стал Анатолий Васильевич Краснов, кандидат философских наук. В состав кафедры вошли А.С. Мудров и А.Ф. Ярыгин (кандидаты философских наук, доценты); Н.М. Гаранин, Л.И. Ибраев (старшие преподаватели); С.А. Романова, П.А. Романов (ассистенты). Преподаватели вели занятия по следующим дисциплинам: диалектический материализм, исторический материализм, история философии, научный атеизм, логика, этика, эстетика.

Прошло много лет, как нет с нами А.В. Краснова, но преподаватели Марийского государственного университета чтят память о прекрасном человеке. В 2013 году состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Красновские чтения», посвященная 85-летию со дня рождения А.В. Краснова, кандидата философских наук, заслуженного работника культуры РСФСР, первого заведующего кафедрой философии и политологии Марийского государственного университета, а также деятеля, внесшего неоценимый вклад в развитие хореографического искусства Марий Эл.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАРМЭ. Ф. Р-828. Оп. 1. Д. 370.
2. Махновец Т. Спектакль яркий и самобытный /Т. Махновец // Марийская правда. – 1973. – 18 февраля.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

Д.В. ЕГОРОВ,

канд. ист. наук, учёный секретарь ЧГИИГ

ПРАВОВЫЕ ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧУВАШЕЙ И МАРИЙЦЕВ

Сегодня в условиях нивелирования народных обычаев и традиций под воздействием глобализационных, интеграционных и трансформационных процессов проблема сохранения самобытности национальных культур, возрождения лучших этнокультурных традиций, формирования социально-правовых идеалов и духовно-нравственных ориентиров общества становится архиважной. В этом отношении весьма примечательно исследование правовых обычаев и традиций крестьянства, столетиями являвшихся основными регуляторами общественных отношений и гарантировавших стабильное функционирование и развитие социума. Данные социальные нормы поведения, постепенно получившие общественное признание и проникшие во все сферы жизни, сложились в процессе повседневной юридической практики, опыта регулирования коллизий, судебных прецедентов, семейно-бытовых отношений и соблюдались под воздействием общественного мнения либо в силу принятых установлений или рациональности. Благодаря устоявшимся традициям осуществлялась духовная связь поколений, сохранялись различные компоненты социально-культурного наследия этносов.

Несмотря на то что в настоящее время главным источником права являются нормативно-правовые акты, ряд неписаных правил

продолжает бытовать и регулировать общественные отношения, а некоторые из них подвергаются юридическому признанию. Невозможно достичь социального консенсуса, удовлетворить интересы различных слоев и групп и возродить значимые общественные и культурные ценности с опорой лишь на систему права, без применения таких социальных норм, как обычаи и традиции. В рамках названного проблемно-исследовательского поля в настоящей статье предпринята попытка анализа правовых обычаев и традиций, выявления их места и роли в системе социальных ценностей крестьянства второй половины XIX – начала XX века на примере чувашей и марийцев.

Важную роль в этносоциальной жизни населения играла сельская община, регулировавшая практически все сферы жизнедеятельности социума. Опираясь на многолетние наблюдения, практический опыт и установившиеся обычаи, она определяла начало и окончание сельскохозяйственных работ, распределяла пашни и угодья между хозяйствами, регулировала трудовую деятельность.

Во время проведения различных земледельческих работ суеверные чуваш и марийцы соблюдали традиционные обычаи и ритуалы. К началу труда приступал человек с «легкой рукой», считавшийся лучшим и удачливым работником. Перед севом и пахотой, во время уборки урожая крестьяне проводили многочисленные магические обряды, обращались к знахарям. В целях защиты земель от природных бедствий проводили моления и жертвоприношения, а под воздействием православия – коллективные молебны со святыми иконами [1, с. 154; 2, с. 23–24; 3, с. 197].

К числу наиболее устойчивых и позитивных обычаев следует отнести обычай коллективной и безвозмездной взаимопомощи (*нине/мине* у чувашей и *мума/вума* у марийцев), не потерявший свою актуальность в некоторых селениях и по сей день. В ходе помочей вырабатывались и передавались из поколения в поколение методы и навыки хозяйственной деятельности. К обычаю взаимопомощи крестьяне прибегали при уборке урожая, земельных работах, строительстве домов, лесоразработках, социальных бедствиях и т.д. Люди с удовольствием помогали друг другу, довольствовавшись угощением и выпивкой. Отказ от участия в помочи вызывал резкое

осуждение общества [3, с. 196–197; 4, с. 141. 199–200; 5, с. 25; 6, с. 121].

Правовые обычаи и традиции чувашей и марийцев ярко проявлялись во взаимоотношениях между соседями. Люди, пользовавшиеся чужими колодцами, обязывались участвовать в их чистке и починке. Владелец колодца не имел права запрещать соседу брать воду, тем более что частое пользование водой было равносильно чистке. Домохозяину не позволялось делать окна, выходящие на чужой двор, а также лить воду на соседскую территорию. Согласно чувашскому обычаю, только владелец садовых деревьев имел право пользоваться их плодами, даже если они падали на соседний участок. Деревья, росшие на самой меже, должны были составлять собственность обоих соседей. Вместе с тем по требованию соседа собственник дерева был обязан срезать ветви и забрать плоды. Марийский обычай позволял соседу срубить свисавшие ветви без согласия хозяина дерева, если они занимали часть территории его владения. Поить животных в реках могли запретить владельцы рек. По соглашению с земельными собственниками чуваш и марийцы могли пасти стадо на чужой территории. Марийцам запрещалось переходить через чужой участок и прогонять скот без разрешения собственника [6, с. 117; 7, с. 182; 8, с. 328–329; 9, с. 56–58].

Обычно-правовые нормы получили наглядное отражение в имущественных правовых отношениях крестьянства. Находки пропавшей собственности, кладов, договоры купли-продажи, различного рода займы, ссуды и наймы регулировались неписаными правилами. Чуваш и марийцы должны были сообщать о найденных предметах местному начальству. По закону за находку полагалось вознаграждение – треть стоимости найденной собственности в пользу нашедшего. Вместе с тем, несмотря на юридические последствия, о ней старались не сообщать. По народным поверьям, нашедший, вернув находку истинному владельцу, отдавал и свое счастье [10, л. 143; 11, с. 109; 12, с. 85–86]. Если вещь была найдена несколькими лицами, то ее стоимость делилась поровну. Клад и пчелиный рой становились собственностью нашедшего [6, с. 118; 7, с. 39, 180–181; 12, с. 85; 13, с. 129].

Вступление в обязательственные отношения у исследуемых этносов сопровождалось символическими действиями, имеющими

сакральный характер: рукобитьем, молитвой, магарычом (угощением вином/водкой) и чаепитием у чувашей [8, с. 332; 9, с. 60; 14, с. 69], рукобитьем и магарычом у марийцев [6, с. 123–131; 15, с. 65]. Необходимо подчеркнуть, что рукопожатие, согласно народному правосознанию, было гораздо значимее юридических документов. Считалось, что в случае нарушения договора пожавшая рука могла высохнуть [4, с. 186; 16, с. 127].

Нарушение условий договора и данного обещания являлось грехом, что отразилось в народных пословицах и поговорках: «*Сăмахпа килĕшни укçаран хаклă*» (Словесный договор дороже денег), «*Мĕн каланине суй ан ту теççĕ*» (Давши слово, держись) у чувашей [7, с. 184; 17, с. 30]; «*Окса деч мут шерге*» (Слово дороже денег), «*Шке оет деч ит чакне*» (От слова своего не отступай) у марийцев [18, с. 13, 56].

Любые новации и нарушения установившихся обычаев, согласно этническим воззрениям, могли привести к драматическим последствиям, обусловленным гневом божеств и духов: природным и социальным катаклизмам, болезни или смерти людей. Поэтому в таких случаях чуваш и марийцы проводили магические и очистительные обряды, совершали искупительные жертвоприношения в честь сверхъестественных сил.

За нарушения земельных запретов, к примеру, в период празднования *синсе* чувашами или *синкса* марийцами, когда земля якобы находилась в состоянии «беременности», верховный бог, согласно религиозно-мифологическим представлениям крестьянства, наказывал их градом, засухой, пожаром, неурожаем, падежом скота и другими бедствиями. В этот период также запрещалось производить строительные работы, вывозить навоз, красить холсты и пряжу и т.д. Нарушители табу наказывались общиной изъятием или уничтожением орудий труда и избиением [10, л. 107; 19, с. 50 об.; 20, л. 360; 21, с. 141]. В ходе своей юридической практики В.К. Магницкий столкнулся с судебным делом, связанным с несоблюдением обычая *синкса* чебоксарской солдаткой из д. Абашай Помарской волости Чебоксарского уезда Казанской губернии Пономаревой. Согласно показаниям истицы, марийцы, за отказ налить им вина, в снимаемой ею квартире для крашения опрокинули котлы с краской на том основании, что «по их вере, крашеньем в это время заниматься нельзя», и сломали землянку.

В 1873 году Помарский волостной суд, учитывая показания свидетелей, не указавших виновника выливания кадки с краской, отсутствие согласия крестьян на строительство лачужки на общественной земле, а также запрет схода продолжать в ней красить, постановил отказать в иске [2, с. 37–38; 19, л. 50 об.].

В ходе повседневного правотворчества чувашские и марийские крестьяне выработали особые понятия греха и преступления, порой резко отличавшиеся друг от друга. Грех – религиозно-этическая категория; деяние, нарушающее предписания божеств, религиозные традиции и правила морали. К числу греховных действий, согласно представлениям чувашей, относились: обида, нанесенная без повода, мошенничество (обман), нарушение договора и данного обещания, работа в праздничные дни, нарушение религиозных обычаев и т.п. Действия же, каравшиеся официальным законодательством, квалифицировались как преступления. Вместе с тем не все преступное было греховным. Например, убить колдуна, согласно правосознанию чувашей и марийцев, – не грех [22, с. 83; 23, с. 99].

Марийцы греховными признавали действия, направленные против высшей силы и религиозных правил: оскорбление бога, жреца (*карта*), молений, кощунство над жертвенными местами в священных рощах, работа в праздники, неповиновение родителям и др. Преступлениями считались деяния, направленные против личности или интересов людей (к примеру, прелюбодеяния). В большинстве случаев они считались также и грехом, за которые предусматривалось возмездие как в земной, так и в загробной жизни [23, с. 91–92].

В пореформенный период функционировали общинные суды, регулировавшие правоотношения крестьянства: суд сельского схода, суд сельских судей, суд соседей, суд стариков, семейный суд у марийцев; суд сельского схода, суд сельского старосты, суд стариков, семейный суд (совет) у чувашей. Н.В. Никольский отмечал существование у чувашей также суда соседей и братского суда, однако они не получили распространения в крестьянской среде, несмотря на существенную роль соседей в этносоциальной жизни. «Соседи дороже, чем дальние родственники», «Хорошие соседи, что родная семья» – свидетельствовала народная мудрость [14, с. 74; 24, с. 104–105]. Волостной суд являлся официальной судебной инстанцией для крестьянского сословия, подсудность которой была

зафиксирована в законах 1861, 1889 и 1912 годов. Семейный суд (совет) следует квалифицировать как орган семейного правосудия. Он, как правило, не допускал вмешательства членов мира в личное семейное пространство, пытаясь урегулировать конфликты и проступки внутри семьи.

Исключительную роль в народной юстиции чувашей и марийцев в пореформенный период играл суд стариков, в компетенции которого входили семейные и имущественные споры крестьян, религиозные вопросы, морально-нравственное поведение членов общины. Чаще всего он старался примирить противоборствующие стороны [11, с. 113–114; 25, с. 92; 26, с. 139–142]. В нем принимали участие наиболее опытные люди в деревне, прекрасные знатоки норм обычного права и крестьянского менталитета, обладавшие общепризнанной репутацией. Характерной чертой суда старейшин являлось соблюдение соответствий принимаемых решений обычаям и традиционным этическим нормам. Роль стариков была неоценимой в социализации – в усвоении молодежью практического опыта, нравственных ценностей, поведенческих норм, сохранении и закреплении производственных навыков, воспитании подрастающего поколения. Всеобъемлющий авторитет этих неформальных мирских лидеров ярко проиллюстрирован в чувашских и марийских пословицах и поговорках: «Старый человек стоит четверых», «Кто не слушается стариков, тот сам себя погубит» [27, с. 8, 15], «Слово старшего положи к себе в сердце» [18, с. 63].

Вследствие разрушения патриархальных устоев общины, развития капиталистических отношений, социальной стратификации, приведшей к общественной значимости зажиточных крестьян, увеличения количества семейных разделов и появления в связи с этим новых домохозяев с правом голоса, беспорядка, своеволия и криков на сходах суд стариков постепенно терял влияние на внутриобщинные дела. В конце XIX – начале XX века все более повышалась роль молодых крестьян.

Если решения суда стариков или сельского старосты могли быть апеллированы в волостной суд, то приговор схода, как правило, имел императивный характер. Во второй половине XIX века потерпевшие редко жаловались на приговоры неофициальных судебных органов,

дабы не идти против всего мира и сохранить позитивную репутацию среди односельчан.

Сельский сход как высший орган управления общиной на принципах коллективности и солидарности рассматривал дела о земельных переделах, опеке и наследстве, разделе семей, вопросы налогообложения и несения повинностей; проводил выборы и учет сельских должностных лиц; организовывал религиозные обряды; разрешал хозяйственно-бытовые и общественные споры; следил за моралью, осуждая различные формы девиантного поведения; расследовал проступки и наказывал виновных; удалял из общества членов общины, ведущих криминальный образ жизни, и др.

Официально созданные сходы санкционировались государством, однако нередко крестьяне разбирали различные мирские дела без ведома и регламентации властных структур, включая не входившие в круг их компетенций уголовные дела. На собраниях домохозяева коллективно обсуждали возникавшие проблемы, высказывали мнения и недовольства, отстаивали свою позицию. Таким образом, сельские сходы в пореформенный период являлись эффективными демократическими органами общинного управления, регуляторами социально-экономических и этноправовых проблем в крестьянской среде.

В пореформенный период общинники прибегали к мирскому суду, скептически относясь к официальному правосудию, процессуальному формализму, пытаясь не обострять личные отношения, а восстановить доверие и согласие между тяжущимися на ранних стадиях конфликта. В связи с коррумпированностью волостных судей и их помощников, медлительностью судебного процесса, существенными финансовыми затратами на судопроизводство, а также давлением на суд зажиточной верхушки и мироедов народное отношение к официальным судам в целом было негативным. Общинные суды прилагали массу усилий для разрешения конфликтов и правонарушений мировой сделкой, с возмещением ущерба пострадавшей стороне [20, с. 358, 393; 23, с. 96].

Обычно-правовая доказательная основа чувашских и марийских крестьян была во многом схожа с официальной методикой доказательств, однако имела и свою специфику, связанную в первую очередь с применением трансцендентных способов расследования

правонарушений. Наряду с рациональными приемами (получение признания; допрос свидетелей и подозреваемых; осмотр места происшествия с привлечением понятых; сбор улик и вещественных доказательств путем обыска и поиска по следу; изучение документов; выявление знаков собственности) широко применялись иррациональные методы: обращение к гадалкам, знахарям и колдунам для раскрытия преступных деяний либо отщипывания нарушителю; проведение религиозно-магических обрядов в священных рощах, церквах, кладбищах, избах и т.д.

Значимую роль в системе доказательств играли присяга, божба и клятва, основу которых составляли крепкие религиозно-мифологические воззрения исследуемых этносов. К числу самых древних, весомых и сакральных заверений следует отнести поедание и целование земли. Подозреваемые в подтверждение истинности слов должны были съесть землю [28, с. 360; 29, с. 231–232; 30, с. 284]. О бытовании указанной присяги свидетельствуют и документы официальных органов правосудия. Так, в 1870 года в д. Хора-Сирма Козьмодемьянского уезда Казанской губернии крестьянин Спиридон Савинов, увидев ночью возле колодца крестьянку Татьяну Тимофееву и ее дочь Федосью Иванову с наполненными кадками воды, обвинил их в ворожбе и рассказал жителям деревни. Односельчане решили привести Т. Тимофееву к очистительной присяге – заставили съесть землю. Волостной суд в ходе разбирательства дела, не найдя конкретных доказательств ворожбы, удовлетворил иск женщины. С. Савинов был приговорен к аресту на трое суток при волостном правлении [31, л. 41–44].

Не менее значимой присягой в крестьянской среде было поедание хлеба. Подозреваемые в воровстве должны были откусить хлеб с солью с кончика ножа [1, с. 309; 32, с. 247; 33, с. 116]. Марийцы, откусив хлеб, твердо заявляли о своей невиновности и потенциальном наказании в виде смерти в случае лжи [15, с. 66]. В Чебоксарском уезде Казанской губернии бытовал обычай печь хлеб из кислого ржаного теста, замешанного на воде «от семи киреметей». Созвав соседей, а иногда весь околоток деревни, каждого подозреваемого заставляли съесть кусок такого хлеба. Согласно народным воззрениям, вор выдавал себя тем, что не решался на поедание такого хлеба, боясь смерти [34, с. 539]. Очевидно, что использование земли и хлеба в ходе традиционных

присяг и клятв крестьянами, основным занятием которых испокон веков являлось земледелие, имело сакральный смысл и было обусловлено их религиозными воззрениями о тяжелой каре в случае лжесвидетельства.

Довольно распространенной присягой чувашей и марийцев было перешагивание через лутошку. По всей видимости, тщательно очищенную от коры липовую палку следует уподоблять с чистой совестью присягавшего. Чуваша проводили названный ритуал, как правило, в священной роще. Потерпевший, а за ним и односельчане, откусив хлеб с солью с кончика ножа и умывшись водой, перешагивали через лутошку со словами: «Пусть высохнет (вор) подобно сухой лутошке». Если же кто-нибудь наступал на эту палку во время перешагивания, то его признавали вором, заставляли налить миру вино [2, с. 120–121]. В деле Уголовного кассационного департамента Сената за 1877 год приведен подобный обряд присяги марийцев. Жрец клал на пол сырую очищенную лутошку, каждому подавал с ножа кусок ржаного хлеба с солью и ставил всех присягавшихся на колени. Затем *карт* переводил их через палку и, ломая лутошку коленом, приговаривал: «Если кто покажет неправду, тот также издохнет, как эта лутошка». При этом присяга проводилась во дворе, а подозреваемые стояли с непокрытой головой лицом к солнцу, крестообразно сложив руки на груди [35, с. 15–16].

Под воздействием православной религии чуваша стали клясться Богом, крестом, смотря на икону и целуя ее; зажигать и гасить свечу в красном углу [28, с. 354, 360; 30, с. 23–24; 35, с. 296]. В случае голословных обвинений в правонарушении марийцы обращались к Богу, давая клятву перед зажженной свечой, прося божьего наказания в случае совершения им проступка [3, с. 256]. Ложный призыв или произнесение имени Бога, использование православной атрибутики в ходе клятвы для доказательства правдивости показаний считались грубым попранием религии, что приводило, в понимании верующих, к страшному возмездию.

Лжеприсяжника и клятвопреступника, а также их семьи, согласно крестьянскому правосознанию, постигала неминуемая смерть или различные бедствия: болезнь, падеж скота, пожар и др. Чувашское предание гласит, что нарушители, согрешившие словом, после своей смерти попадали в ад и лизали горячую сковороду [4, с. 677].

Согласно воззрениям мари́йцев, лжесвидетели и клятвопреступники на загробной жизни оказывались в котле с кипящей смолой [36, с. 55].

Традиционные народные наказания выносились в зависимости от вида преступления или проступка, репутации нарушителя, социального статуса потерпевшего, порой назначались с учетом религиозных воззрений. При назначении мер принуждения народная юстиция стремилась сохранить согласие в обществе и реноме конфликтующих сторон.

Одним из важных рычагов правовой культуры являлось общественное мнение, оказывавшее существенное влияние на функционирование социума и перманентное давление на крестьян, осуждая любые формы социальной девиации и отступления от правовых обычаев и традиций. Если его воздействие на члена общины было малоэффективным, то крестьяне прибегали к институту наказаний, гарантировавшему исполнение норм обычного права.

Самыми действенными мерами признавались неформальные негативные социальные санкции (народное осуждение и порицание), публичные порки, позорящие наказания и расправа (вплоть до убийства). Особенно резонансным было публичное и демонстративное «вождение» вора по деревне с украденным предметом, привязанным на шею или спину, сопровождавшееся избиениями, криками и боем об железное ведро [3, с. 195–196; 23, с. 94–95; 37, с. 197–198; 38, с. 387–389]. Презрительное и пренебрежительное отношение к правонарушителям, посрамление и унижение, постоянные насмешки и дурная молва приводили к дискредитации жителя деревни. Вне всякого сомнения, сложившаяся негативная репутация осложняла человеку жизнь, приводила к общественному скепсису в повседневных делах, к его изоляции.

Длительные и прочные этнокультурные и социально-бытовые контакты между чувашами и мари́йцами, примерно одинаковые условия жизни и труда, тесные коммуникации в повседневной жизни, единое воздействие российского законодательства детерминировали появление у них общих элементов в правовой культуре, что выразилось в схожести правосознания, системы правосудия, обычаев и традиций. Вместе с тем каждый из исследуемых этносов имел свои уникальные черты и особенности.

Проведенное исследование свидетельствует об устойчивом функционировании обычного права чувашей и мари́йцев в дореволюционный период. Превалирование обычно-правовых норм над законами в разрешении бытовых проблем и коллизий углубляло сословную и правовую обособленность крестьянства. Социальная ценность и значимость правовых обычаев и традиций определяется главным образом тем, что они являлись основными регуляторами общественных отношений. Благодаря им конструировались идеалы социума в духе согласия, справедливости, правопорядка, добра, порядочности, скромности и честности. Следует отметить, что ряд отмеченных нами правовых сюжетов во многом перекликается с современностью и возникает необходимость использования положительного юридического опыта чувашей и мари́йцев в сфере эффективного социального контроля.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед. хр. 154.
2. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. – Казань: Типография Императорского Университета, 1881.
3. Мари́йцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005.
4. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174.
5. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. IX. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1935.
6. Евсеев Т.Е. Важнейшие моменты правового быта и обычного права мари́йского народа. Часть вторая // Мари́й Эл. – 1928. – № 7–8.
7. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 181.
8. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 285.
9. Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Вып. II. – Казань: Типография губернского правления, 1893.
10. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 334. Оп. 1. Д. 4.
11. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158.
12. Износков Л.А. Обычаи горных черемис // Памятная книга Казанской губернии на 1868–1869 год. – Казань, 1868.

13. Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Вып. I. – Казань: Типография губернского правления, 1888
14. Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. – Казань: Третья Тип. Губ. Совета, 1919.
15. Евсеев Т.Е. Важнейшие моменты правового быта и обычного права марийского народа // Марий Эл. – 1928. – № 5–6.
16. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. I. – Казань: Наркомпрос ЧАССР, 1928.
17. Ашмарин Н.И. Ваттисем каланă самахсем. Сборник чувашских пословиц. – Чебоксары: Чувашиздат, 1925.
18. Ибатов С. Пословицы и поговорки марийского народа. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1953.
19. ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 10.
20. Магницкий В.К. Этнографический очерк преступлений и проступков во 2-ом (следственном) участке Чебоксарского уезда // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 517.
21. Иванов А. Чувашский праздник «Синьзя» и полевое моление о дожде и урожае «Учук» // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XIV. Вып. II. – Казань: Типолитография Императорского Каз. ун-та, 1897.
22. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 320.
23. Евсеев Т.Е. Правовой быт и обычное право марийского народа. Часть третья // Марий Эл. – 1928. – № 9–10.
24. НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 203.
25. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 218.
26. Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань: Типография Императорского университета, 1889.
27. Никольский Н.В. О пословицах чувашского народа // Ученые записки ЧНИИ. Вып. XVIII. – Чебоксары, 1958.
28. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150.
29. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151.
30. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179.
31. ГА РМЭ. Ф-68. Оп. 1. Ед. хр. 189.
32. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 204.
33. Шаров В.Д. Обычное право марийцев в середине XIX – начале XX века // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 11. – Йошкар-Ола, 1987.

34. Смелов В.Я. Нечто о чувашских языческих верованиях и обычаях // Известия по Казанской епархии. – 1880. – № 20.

35. Левенстим А.А. Присяга на суде по народным воззрениям // Вестник Права. Журнал Юридического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете. – СПб.: Сенат. Тип., 1901. – № 6.

36. Филимонов А. О религии некрещенных черемис и вотяков Вятской губернии. – Вятка, 1869.

37. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167.

38. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 268.

И.Г. ГУБАНОВА,

*канд. ист. наук, заведующий отделом музейной педагогики
Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева*

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ТРУДЯЩИХСЯ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРИЙСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА МОПР 1920–1930 гг.

Великая Российская революция 1917 года внесла свои коррективы в исторический процесс, стала событием-определяющим фактором и оказала свое влияние на многие сферы жизни россиян. Надежда большевиков на международный характер Октябрьской революции, осознание ее как факта мировой пролетарской революции выдвинула задачу по воспитанию пролетариата новой страны в духе интернациональной классовой солидарности. Решением Четвертого конгресса Коминтерна, проходившего в ноябре – декабре 1922 года, была создана Международная организация помощи борцам революции (МОПР). К 1932 году в данную организацию входило 70 национальных секций (около 14 млн. человек). Его руководство до конца 1937 года находилось в Москве, однако затем было переведено в Париж, где пробыло до сентября 1939-го. И хотя с началом Второй мировой войны международная деятельность помощников борцам революции прекратилась, их секция в СССР просуществовала до 1947 года.

Первоначально МОПР мыслилась как организация помощи узникам капитала, но впоследствии, особенно в СССР, другая